DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-114-135

Л.Е.Бляхер, Э.О.Леонтьева

«ДРУГИЕ МИГРАНТЫ» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ, ИЛИ ПОИСК СОВЕТСКОГО НАРОДА В ПЕРИОД НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411 (https://rscf.ru/project/22-28-00411/).

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Эльвира Октавьевна Леонтьева — доктор социологических наук, директор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: elvira.leontyeva@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается новый, статистически не особенно значимый, но крайне необычный поток мигрантов из бывших республик СССР, прежде всего среднеазиатских и, в меньшей степени, закавказских. Если в недавнем прошлом наиболее массовой разновидностью мигранта на Дальнем Востоке, как и в России в целом, выступал житель небольшого города или поселка, ориентированный на краткосрочное или циклическое пребывание в регионе с целью заработка и в минимальной степени взаимодействующий с принимающим сообществом, то исследуемый поток включает в себя жителей крупных городов, едущих в Россию с установкой на интеграцию. Применительно к мигрантам этого типа привычные экономические факторы притяжения/выталкивания не играют существенной роли. Обладая достаточно высокой квалификацией, представители этой группы не испытывали в точке исхода сколько-нибудь серьезных материальных проблем. Мотивы их переезда носят скорее политический характер, но это не преследование за инакомыслие или участие в оппозиционной деятельности, а то, что авторы называют поиском советского народа.

По заключению авторов, появление этого миграционного потока связано с нарастанием процесса этнизации (как формы нациестроительства) в государствах постсоветского пространства, становящегося все менее постсоветским. После распада Советского Союза власти новых независимых государств проводили крайне осторожную национальную политику, что

во многом объяснялось искусственностью современных границ этих государств и их этнического фундамента. Сохранялся и высокий статус бывших имперских городов, прежних центров власти, население которых в наибольшей степени соответствовало образу советского народа. Однако в последние годы ситуация изменилась. По мере усиления этнизации, сопровождающейся вытеснением советского, отождествляемого с русским, осколки советского народа утрачивают не только социальный статус, но и основания для самоидентификации. В поисках таких оснований они и отправляются в Россию, надеясь найти подтверждение собственной профессиональной и социально-политической идентичности.

Ключевые слова: миграция, точка исхода, диаспора, принимающее сообщество, советский народ, имперский город, нациестроительство

В российских обществоведческих, в том числе политологических, работах проблема миграции постепенно отходит на второй план, заслоняясь более актуальными темами. Причина такого снижения интереса достаточно очевидна — число мигрантов в России уменьшается, их значение для хозяйственного развития падает[2]. И хотя в период эпидемиологических ограничений антимигрантская риторика в СМИ получила предельно широкое распространение, ее эффективность ввиду исчезновения объекта ненависти оказывается довольно низкой. Особенно отчетливо эта тенденция просматривается на Дальнем Востоке, население которого состоит из «следов» различных миграционных потоков[3]. Но, переставая быть значимым экономическим или социально-экономическим фактором, да и элементом внутренней политики, миграционные потоки становятся маркерами политических процессов, протекающих в соседних странах — бывших советских республиках. Об одном из таких миграционных потоков и пойдет речь в настоящей работе.

[2] Мищук 2021.

[3] Бляхер 2014.

На фоне сокращения потока привычных трудовых мигрантов, ориентированных на краткосрочное пребывание в России и в минимальной степени заинтересованных в интеграции в принимающее сообщество, становится видимым иной, существенно менее многочисленный поток «других мигрантов», чьи социальные параметры, стратегии поведения и мотивация переезда существенно отличаются от характеристик мигрантов, укоренившихся в сознании значительной части россиян и активно тиражируемых в СМИ.

Как показывает контент-анализ крупнейших российских СМИ, проведенный Татьяной Скребцовой[4], «нормальные», с точки зрения современной отечественной журналистики, мигранты — это выходцы из Центральной Азии и Кавказа. При этом представление о «выходцах» крайне размыто. И жители российских северокавказских республик, и поколениями проживающие в России армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики и т.д. в массовом сознании остаются мигрантами. По всей видимости, здесь сказывается то обстоятельство, что в рамках совет-

[4] Скребцова 2007.

ского дискурса, в существенной мере сохранившегося до наших дней, маркером «другого» выступала главным образом этничность. Соответственно, люди, обладающие иным фенотипом (гражданство и время проживания имеют ограниченное значение), воспринимаются в качестве чужих[5].

[5] Григоричев, Дятлов и Нам 2015.

Но это не единственная выделяемая черта мигрантов. «Нормальные», то есть отвечающие стереотипам, мигранты имеют неопрятный внешний вид, болеют опасными заболеваниями (туберкулезом, ВИЧ), плохо знают русский язык, нарушают принятые в России нормы поведения. В профессиональном отношении это низкоквалифицированные работники, согласные на любые условия труда, что способствует вытеснению автохтонного населения из этих трудовых ниш. Наиболее ксенофобски настроенные авторы говорят о криминальной деятельности этнических диаспор и исходящей от них угрозе национальной безопасности РФ[6].

[6] См., напр. Сапрунов 2013.

Если отбросить стигматизирующую риторику, то вырисовывается вполне определенный образ трудового мигранта как выходца с отдаленной периферии своей страны (малого города, сельской местности), представляющего наиболее бедные слои ее населения, обладающего не особенно высокой квалификацией и низкими шансами на успешное трудоустройство в точке исхода. С учетом незавершенности демографического перехода в ряде среднеазиатских стран, засоления почвы на хлопковых плантациях, а также наличия безвизового режима с Россией[7] миграционный поток становится вполне ожидаемым — как и его характеристики.

[7] Бляхер и Салимов 2008.

Тем более неожиданной выглядит иная, гораздо менее массовая группа мигрантов, демонстрирующая совершенно иные качества. Эту группу составляют выходцы из тех же стран, но жившие там в столицах и крупнейших городах. Они свободно или, во всяком случае, вполне прилично говорят по-русски и обладают высокой квалификацией, пусть даже не всегда имеют высшее образование. Отличаются они и внешне, будучи подчеркнуто аккуратны в одежде. Как заметил один из наших респондентов (житель Хабаровска): «*Когда я таких встречаю, кажется, что я на карнавале, а этот со стройки сбежал и маскируется*».

Для изучения этого не вполне обычного потока мигрантов (с упором на выходцев из стран Центральной Азии) нами было предпринято эмпирическое исследование. На первом его этапе мы провели формализованный опрос жителей Хабаровска (n = 317), подтвердивший, что определяющей характеристикой мигранта для хабаровчан является именно этничность. Кроме того, опрос позволил зафиксировать изменение отношения к мигрантам из постсоветских стран (их стигматизацию), пришедшееся примерно на 2010 г.

Полученные в ходе опроса данные задали параметры следующего этапа исследования, в рамках которого были проведены три серии интервью (всего 32 интервью). Первая серия ориентировалась на ми-

грантов, прибывших в регион в период с позднего СССР до 2010 г. и при этом сохранивших связи с точкой исхода (методика «идеального респондента»). Вторая серия включала в себя интервью с прибывшими в регион после 2010 г., третья же охватывала «неправильных» мигрантов, то есть представителей той группы, о которой шла речь выше. В качестве дополнительного материала использовались интервью, собранные в точках исхода в 2015 и 2023 гг. (всего 9 интервью). Здесь предметом исследовательского интереса были факторы выталкивания мигрантов.

Опираясь на этот материал, мы и попытались понять, хотя бы на уровне гипотезы, почему в Россию едут вполне благополучные граждане, какие механизмы выталкивания/притяжения действуют при ослаблении экономической составляющей. Однако, прежде чем описывать эти механизмы, имеет смысл подробнее остановиться на различиях между «привычными» и «непривычными» мигрантами.

«Правильные» и «другие» мигранты: социальные характеристики, коммуникация и адаптация

Первые постсоветские потоки мигрантов на Дальний Восток России (до 2010 г.) были обусловлены несколькими обстоятельствами. Прежде всего, несмотря на относительную мягкость первого этапа «развода» союзных республик, горячих точек на карте бывшего СССР хватало, как и бедности, в которую погружались еще недавно благополучные регионы. Обедневшим жителям обретших независимость республик приходилось искать пути и формы выживания. Одной из таких форм и выступала миграция.

«*Отец из города Товуз. Ты же слышал про Карабахскую войну? Азербайджан находился в жутком состоянии после распада. Резня тогда еще была. Правительству совсем плевать, они там голодали. Все это сыграло роль... Зарабатывать там было очень трудно*» (женщина, 20 лет, этническая азербайджанка, студентка).

«Тут работа была. Где мы живем, там нет работы. Сеешь картошку или пшеницу. По рассказам отца, он не хотел, чтобы его дети тоже занимались коровами. Хотел нам лучшей жизни. Если ты живешь тут так же, как люди там живут, то нет смысла переезжать. Когда переезжаешь, должен быть рост. Это как, знаешь, говорят — американская мечта. У нас мечта русская была» (мужчина, 25 лет, этнический армянин, предприниматель).

В свою очередь выбор дальневосточного региона в качестве точки прибытия в немалой степени объяснялся спецификой формирования принимающего сообщества. На протяжении последних полутора столетий российский Дальний Восток представлял собой территорию, где механический прирост населения (приезд) существенно превосходил естественный. Установление советской власти в регионе, повлекшее за собой массовые крестьянские восстания с последующим оттоком жителей в северные районы Китая[8], лишь усилило данную тенденцию.

Новое заселение региона, особенно активное в послевоенный период, осуществлялось силами всего СССР[9]. Выходцы из Закавказья,

[8] *Саначев 1992.*

[9] *Ковалевский и Бляхер 2020.*

Средней Азии, Украины становились здесь не менее «местными», чем переселенцы из «русских» регионов. Так, большинство современного населения Хабаровского края прибыло на его территорию в 60—80-е годы XX в., сохранив достаточно тесные связи (родственные, дружеские) с местом исхода.

«*Я уже 32 года тут. Бóльшую часть жизни. Но сохраняю таджикские свои... культуру. В городе праздники делаем все. Кто-то стол может накрыть, и туда приезжают все. Когда свадьба у кого-то или молитва в пятницу если, туда ходим. Бывает просто собираемся... Человек 50 или 60*» (мужчина, 50 лет, этнический таджик, владелец киоска по торговле фруктами).

Наличие «земляков» являлось важным фактором притягивания мигрантов. «Земляки» помогали им на начальном этапе, выступали посредниками между ними и принимающим сообществом.

«Совсем точно не скажу, но по рассказам отца... Есть семья одна, и вот их дед... или даже прадед приехал сюда, а за ним поколение за поколением все в Хабаровск и приезжали. И вот когда он поехал в Хабаровск, отец тоже решил» (мужчина, 25 лет, этнический армянин, предприниматель).

Важно отметить, что до начала 2010-х годов мигранты из стран Центральной Азии и Закавказья на Дальнем Востоке слабо соотносились в общественном сознании с образом гастарбайтера. Они довольно редко прибывали для вахтовой работы по контракту. Большая и видимая их часть приезжала к родственникам и знакомым, начиная работать на них или организуя собственный бизнес. Но если переселенцы советских времен вполне успешно адаптировались к местному сообществу, интегрировались в него, то в случае постсоветских мигрантов, даже стремившихся к вхождению в это сообщество (а таких было большинство), дело обстояло иначе.

Новые мигранты чаще всего входили не столько в местное сообщество, сколько в этническую сеть, образующую их мир. Если у советских мигрантов среди знакомых преобладали местные жители, то у постсоветских (особенно прибывших в 2010-е годы) — представители этнической диаспоры.

«Я спрашивала много раз: почему Хабаровск? Я люблю Товуз, люблю Баку. Там хорошо. Папа всегда это аргументировал так... Когда ты семена бросаешь, смотришь, где прорастут. Здесь получилось, и они остались.... Знаешь, как зарабатывают азербайджанцы? Правильно, торговые точки — фрукты, овощи и все такое. Знаешь, кто держит рынок Али? Азербайджанцы. Это большая система. Паутина, в которой люди друг друга знают и помогают» (женщина, 20 лет, этническая азербайджанка, студентка).

Диаспора выступает как сложная структура, диктующая участникам довольно жесткие правила поведения. Во главе диаспоры стоят два типа акторов. Первый тип — это успешный предприниматель или группа предпринимателей, вполне укорененных в принимающем сообще-

стве, являющихся его частью. Часто это группа родственников или выходцев из одной местности. Они принимают прибывающих земляков, обеспечивают их работой, помогают с жильем. Они же, судя по интервью, организуют взаимодействие с представителями власти.

«*Когда мы приехали, оказалось, что многого нет очень нужного. Дома одно думали, а тут все иначе. Мы к дяде приехали. Он кафе таджикское держит, ларьки с фруктами. Он здесь уже очень давно живет. Он нам помогал. Документы все помог сделать. Хорошие вещи много давал, деньги давал, работали мы у него. Потом сами стали работать. Долги отдали. Домой помогать стали. Если бы не он, совсем трудно было бы*» (мужчина, 23 года, этнический таджик, продавец в овощном ларьке).

Примечательно, что в этническом плане подобные акторы не всегда принадлежат к диаспоре. В двух интервью речь шла о русском предпринимателе, выполняющем по отношению к диаспоре данную функцию.

«*Я, когда дом купил в Переяславке*[10]*, там два таджика жили. Такие Равшан и Джамшуд. Ну, не в доме жили, в пристройке. Охраняли все, за порядком смотрели. Я решил их оставить. Мне же всю неделю в городе нужно быть. Да и готовили они классно. Пловы всякие, супы их, таджикские. Мне нравилось. А потом один такой Равшан попросил, чтобы его племянник приехал. Потом еще. Сейчас они у меня и кроликов дома разводят, кур, барашков. Прикольно. На турбазе моей их уже человек 12 работает. И им хорошо, и мне хорошо*» (мужчина, 61 год, этнический русский, руководитель предприятия).

[10] *Поселок возле Хабаровска.*

Другой тип актора — трансмигрант. Если крупнейшие предприниматели — представители этнической диаспоры уже вполне интегрированы в местное сообщество и гораздо больше времени проводят в России, нежели в точке исхода, то трансмигранты живут в двух пространствах, точнее, в особом пространстве между точками исхода и прибытия. По сути, трансмигранты выступают «мостом», соединяющим два социальных пространства и два сообщества. Именно они становятся для новых мигрантов проводниками в незнакомом мире.

«*Я приехал сюда. Мне никто помогать из русских не хотел. В поликлинике, в магазине. Все, будто я дикий какой-то, смотрели. А я не дикий. Я техникум закончил. Русский говорить умею. Потом здесь мой дядя жил. Он стал объяснять, как тут нужно говорить, что нужно делать. С работой помог устроиться. У него бригада две. Там и работаю. Ремонт делаем, строим. Деньги есть. Вот еще до октября поработаю и домой поеду*» (мужчина, 23 года, этнический таджик, рабочий ремонтной бригады).

Отметим, что помощь общины (диаспоры) отнюдь не благодеяние, хотя иногда именно так преподносится. Новые переселенцы, как правило, работают на предприятиях более укорененных земляков, оказывают им те или иные услуги. Многочисленные этнические общины

обладают и заметным «политическим» весом, вступают во взаимодействие с государственной и муниципальной властью. Правда, официальный руководитель общины крайне редко бывает ее реальным лидером. Но именно через него община получает легальный статус. Поэтому сложившиеся этнические диаспоры, которых значительно больше, чем титульных этносов, стремятся к увеличению своей численности, проводят национальные праздники, строят молельные дома и т.д.

При этом члены самой общины достаточно четко сегрегированы по времени пребывания на территории. Ядро общины составляют граждане России, включенные в местное сообщество, или граждане новых независимых государств, постоянно дрейфующие между точками исхода и прибытия. В любом случае речь идет об установке на длительное проживание.

Периферию общины образуют люди, ориентированные на краткосрочное, обычно сезонное, пребывание с целью заработка и последующее возвращение в точку исхода. Собственно, именно эта группа оказывается видимой для СМИ, формирует образ мигранта в глазах принимающего сообщества. Именно ее представители становятся объектами ксенофобии со стороны местного населения.

В силу краткосрочности своего пребывания они не стремятся освоить местные модели поведения, удовлетворяясь посредничеством и защитой, предоставляемыми диаспорой. Примечательно, что на протяжении долгого времени (примерно до 2010 г.) они не вызывали особого интереса ни у властей, ни у СМИ, ни у местного населения. Причина проста: место «чужого» в регионе прочно занимали граждане КНР, вплоть до кризиса 2008 г. активно прибывавшие на российский Дальний Восток в поисках заработка. Да и самих граждан новых независимых государств было сравнительно немного. Главы этнических общин достаточно успешно ограждали их от прямых контактов с местным населением и властью. Но затем ситуация меняется[11].

[11] *Мотрич 2010.*

После 2008 г. численность китайцев, приезжавших на заработки в регион в качестве сезонных рабочих, стремительно сокращается. К тому времени уровень жизни в КНР был уже вполне сопоставим с российским, а позднее и превзошел его. В результате исчезает основной фактор притяжения мигрантов из КНР. Остаются совсем другие китайцы — предприниматели, ученые, представители мира искусства, осуществляющие свою деятельность при мощной государственной поддержке (или в надежде получить ее).

С 2010 г. для реализации запущенных в регионе Больших проектов туда начали прибывать законтрактованные рабочие из стран ЕвразЭС, главным образом из Узбекистана и Таджикистана. В численном отношении эта группа существенно превосходила прежние потоки из этих стран. При этом посредник между новыми мигрантами и местным населением отсутствовал. Точнее, такими посредниками должны были выступить государство и работодатель, однако в плане эффективности их посредничество заметно уступало посредничеству «земляка».

«*Мы здесь, когда на стройке работали, почти никуда не выходили. Ничего не знали. Вокруг все на нас зло смотрели. Совсем не хотели помогать. В поликлинику пойдешь, в милицию, еще куда-то, все сразу кричат, что ты „чурка“. Даже в автобусе не хотят сидеть рядом*» (мужчина, 34 года, этнический таджик, строитель).

Образ «чужого китайца» в кратчайшие сроки был вытеснен образом «чужого узбека» (таджика). Неприятие нового «чужого» еще больше усилилось после того, как значительная часть Больших проектов на Дальнем Востоке оказалась свернута или завершена. Факторы выталкивания (отсутствие рабочих мест, относительно низкий уровень жизни) продолжали действовать, но контракты закончились. Бывшие контрактники (вахтовики) оставались в регионе, занимая низовые позиции на рынке труда (разнорабочие, маляры, работники ЖКХ, таксисты и т.д.). Многие из оставшихся обращались к сложившимся этническим общинам или образовывали новые, которые становились источником конфликтов не только с местным населением, но и с укоренившейся диаспорой.

Хотя в основе противоречий между новыми и старыми мигрантами лежала конкуренция за рабочие места, за контакты с местной и региональной властью, артикулируемой причиной конфликтов представали религия и традиции.

«*У нас главный праздник всегда был Навруз, таджикский Новый год. Мы как дома его праздновали, так и здесь празднуем. Ну, обряды, дастархан, застолье, песни. А тут эти приехали, кишлачные. И давай порядки свои наводить. Говорят, что мы все неправильно делаем. А сами ни на русском языке, ни на таджикском нормально говорить не могут. Ну вот, пришлось им напомнить, кто они, а кто мы*» (женщина, 38 лет, этническая таджичка, формальная глава общины).

Аргументы противоположной стороны сводились к тому, что их ислам и знание традиций ближе к подлинным, не испорчены советскостью. Впрочем, после не особенно долгого противостояния новые общины, как правило, поглощались старыми.

Вплоть до начала ограничений, обусловленных пандемией COVID-19, такого рода новые мигранты численно преобладали, хотя и были в основном ориентированы на краткосрочное (до года) пребывание. Именно с ними и был связан антимигрантский дискурс, формирование которого пришлось как раз на рассматриваемый период. Ситуация вполне укладывалась в описанную Владимиром Мукомелем[12]. Подавляющая часть мигрантов занималась низкоквалифицированным трудом, и даже имевшие высшее образование предпочитали наниматься на должности, предполагавшие не квалификацию, а включенность в этнические сети.

[12] *Мукомель 2017.*

Начиная с 2020 г. ситуация снова меняется. Краткосрочных мигрантов становится значительно меньше. Факторы выталкивания в центральноазиатских государствах в полном объеме сохраняются только

в Таджикистане и Кыргызстане, тогда как в остальных они несколько ослабевают. В свою очередь начинают ослабевать и факторы притяжения к России, сперва по причине роста издержек миграции, затем — под влиянием мобилизации экономики и усиления санкционного давления.

В этих условиях становится видимой группа мигрантов, слабо соотносимых со стереотипным образом, представленном в медиа и обыденном дискурсе[13]. В 2017 г. Мукомель оценивал их долю в 2% от общего числа мигрантов[14]. Однако по мере сокращения общего миграционного потока эта доля возрастает, и сегодня в региональном разрезе она уже составляет 10—12%. Отличий от традиционных мигрантов — и «старых», полностью адаптированных, и «новых», которые фигурируют в СМИ под именем «гастарбайтеры», — множество. И, наверное, первое, что бросается в глаза, — профессиональный статус этих людей. Профессии, которыми они владеют, требуют достаточно высокой квалификации и нередко относятся к категории наиболее «модных».

[13] Бритвина и Могильчак 2020.

[14] Мукомель 2017.

Выходцы из Центральной Азии, прибывшие в регион в позднесоветский период или в начале 1990-х годов, либо просто растворялись в принимающем сообществе, либо пополняли сферу, традиционно контролируемую представителями своего этноса (торговля, общепит и т.д.).

У «других мигрантов» профессии гораздо более серьезные. Среди наших респондентов наиболее многочисленными оказались медики (врачи, фельдшеры), причем часто — узкие специалисты высочайшей квалификации (гастроэнтеролог, хирург-онколог). Далее шли айтишники, педагоги, инженеры. Были и представители индустрии моды.

Показательно, что важной мотивацией переезда (а они ориентированы именно на переезд и интеграцию в новое сообщество) здесь является не столько заработок, сколько самореализация, профессиональный рост, который связывается с Россией.

«*Дома нужен просто парикмахер. Нужно уметь стричь, брить. Остальное только в Ташкенте или Самарканде. А я не парикмахер, а визажист. Это другая, гораздо более сложная квалификация. Здесь это нужно. А моя квалификация оказывается выше квалификации местных. Ко мне сначала мало людей ходило. Но постепенно клиентов больше становилось. Теперь уже сам не справляюсь. Помощников взял. Один из Андижана[15], а второй местный*» (мужчина, 31 год, этнический узбек, владелец салона).

[15] Город в Узбекистане.

Другое отличие — уровень владения русским языком. Для мигрантов, приехавших в регион до 2010 г., русский язык, пусть и выученный, постепенно становится основным даже в общении между своими. Родной язык сохраняется, но сфера его применения сокращается. Представители второго и даже полуторного (дети, родившиеся в точке исхода, но выросшие на Дальнем Востоке) поколения говорят преимущественно по-русски.

«Разговариваешь, разговариваешь [по-узбекски] — и автоматически на русский перешел, хоть с земляком разговариваешь. Он тоже не обижается, он тоже понимает, он тоже сам, бывает, так же разговаривает, тоже давно живут, тут семьи у них тоже. Они тоже так же разговаривают — по-узбекски, потом раз — автоматически перешел на русский» (мужчина, 50 лет, этнический узбек, рабочий в котельной, живет в России с 1986 г.).

Для миграционного потока, ставшего ведущим с 2010 г., русский остается вторым языком, причем освоенным далеко не идеально.

Для «других» же мигрантов русский изначально был главным языком и профессионального, и публичного общения. Родной язык выступал в роли «домашнего», да и то не во всех случаях.

«Знаю ли я английский? Ну, как... что-то знаю. В школе учил, сейчас учу, в университете. Только, понимаешь, мне он не очень, как бы сказать, не очень нужен. У нас русский язык — это как у вас английский. Мы через Россию смотрим на мир. Потому я и поехал в Россию учиться. Потом, наверное, останусь здесь» (мужчина, 20 лет, этнический таджик, студент).

Более того, среда в точке исхода часто бывала гораздо сильнее связана с русской культурой, нежели с культурой местной.

«Я лично не обращал внимания, но вокруг меня всегда была только русская среда. Город мой — Исфара, северный Таджикистан. Я... родился там, и школа там была такая. Не знаю, как сказать. Я вырос прорусским» (мужчина, 35 лет, этнический таджик, врач).

Есть отличия и в отношениях с диаспорой. Подавляющее большинство ранних постсоветских мигрантов в той или иной мере взаимодействовали с этнической общиной, тем более что и сами общины стремились вовлечь в себя всех представителей своего этноса, используя для этого не только материальную помощь вновь прибывшим, но и различного рода культурные и религиозные мероприятия, совместные праздники и т.д.

Однако все больше людей приезжают в регион, минуя посредничество общины. Они опираются на государственные программы переселения соотечественников, практически не работавшие в прежнее время. При этом, если законтрактованные мигранты 2010—2018 гг. по завершении контракта так или иначе примыкали к общинам, то «другие мигранты» ориентированы на самостоятельное вхождение в принимающее сообщество и делают ставку на полную интеграцию в него.

«*Как все вышло-то. Я зашел поговорить, там все молодые и профессионалы. Посмотрели документы. Точнее, попросили у меня перечень, который я потом собрал. Все глянули и предложили Хабаровск. Они помогают там, хорошие люди. Помогли оформить все правильно. Там четко, все продвинутые такие. Все знают. Русские парни... А там самолет, через Новосибирск. Прилетел — город большой. Заселили в общагу. Работу быстро нашел*» (мужчина, 40 лет, этнический таджик, медик).

Следующее серьезное отличие «других» мигрантов от «традиционных» — место проживания в стране исхода. «Другие мигранты» — это жители крупных городов, столиц или, в крайнем случае, особых поселений, построенных вокруг какого-то важного предприятия, рудника и т.д. и выламывающихся из окружающей периферии. И, наверное, последнее: бóльшая часть представителей рассматриваемой группы не испытывала материальных проблем в точке исхода. Привычные экономические факторы выталкивания/притяжения не играют здесь значимой роли.

Несмотря на сокращение общего потока мигрантов, эта группа, разумеется, не останется единственной и едва ли даже станет доминирующей. Но именно она, на наш взгляд, заслуживает наибольшего внимания политолога. Ведь, как мы постараемся показать далее, политические мотивы переезда являются для нее основными. И это не преследование за инакомыслие или участие в оппозиционной деятельности. Это поиск «советского народа», той идентичности, которая была и отчасти остается несомненной реальностью, крайне медленно тающей в толще постсоветских течений.

Осколки советского народа на постсоветском пространстве

Крах СССР как политического образования сопровождался и сильнейшим ударом по важнейшему его порождению — советскому народу. Утверждается, что последний поддерживался тоталитарными структурами, препятствовал образованию горизонтальных связей, атомизировал общество, оставляя человека один на один с тоталитарным государством[16]. Отмечается и противоречие между представлением о советском народе как о новой общности и сохранением этнического (в принятой в СССР терминологии — национального) принципа территориально-государственного деления[17]. Мы не собираемся спорить с этими положениями. Вместе с тем их стоит дополнить. Единственный в длинном ряду «народов (этносов) СССР» надэтнический концепт создавал возможность осознать причастность к общей для всего населения страны судьбе вне зависимости от этнической принадлежности и места проживания[18].

Однако роль концепта «советский народ» (по сути, политической самоидентификации человека) для разных групп населения была не одинаковой. Так, согласно Эмилю Паину, для жителей РСФСР он был более значим, чем для жителей других союзных республик, поскольку позволял расширить понятие «Россия» на весь Советский Союз[19]. Но и в союзных (национальных, этнических) республиках значимость этого концепта варьировала.

Как показывает Виктор Дятлов, пространственный каркас и российской империи, и СССР составляли особые социально-политические образования — имперские города[20]. Термин этот, естественно, соотносится с историческим фактом существования в Священной Римской империи феномена с таким именем — города, непосредственно

[16] Левада 1995.

[17] Паин 2003: 7.

[18] Варнавский 2004.

[19] Паин 2003: 5.

[20] Дятлов 2013.

подчиненного императору, минуя местного князя. Но смысл, который вкладывается в это понятие Дятловым (и вслед за ним нами), несколько иной. Он более связан с той трактовкой империи, которая дается в работах современных авторов[21].

[21] См., напр. Эйзенштадт 1999.

Империя понимается здесь не как порождение римской или, шире, европейской политической культуры, но как одна из базовых политических форм. Империя — вселенский проект мирового устройства с трансцендентальной основой. В отличие от государства модерна, феномена принципиально посюстороннего, империя ориентирована на смыслы, транслируемые извне, из области трансцендентного, и не столь важно, идет ли речь о Боге, «мировом порядке» или «объективных законах истории». При этом гетерогенность территорий и этносов, воспринявших трансцендентальные смыслы и порождаемый ими порядок, для империи, в отличие от государства, стремящегося к гомогенности, не является проблемой. Точнее, не является острой проблемой. По мнению Чарльза Тилли, она решается путем делегирования управленческих полномочий местным (территориальным) элитам в обмен на их полную лояльность в отношении центра и транслируемого им порядка[22].

[22] Тилли 2009.

Пространством взаимодействия центра и местных элит и выступают имперские города. Их появление часто бывает результатом не объективных агломерационных процессов, а выполнения политической задачи — обеспечить трансляцию центрального властного импульса на территорию, слишком удаленную от центра для того, чтобы он транслировался непосредственно. Одному из авторов этой статьи уже доводилось писать об имперском городе[23]. Для сохранения логики изложения приведем высказанные ранее соображения еще раз.

[23] Бляхер 2015.

Имперским городом могла быть (хотя и не всегда была) столица союзной республики, крупный город республиканского подчинения, особо важный промышленный центр, имеющий «всесоюзное значение». В таких городах складывалось отличное от местного население. Его этническая окраска сохранялась, но часто нивелировалась имперскостью. Чиновники различных рангов, профессорско-преподавательский состав вузов, в которых воспроизводилось новое поколение региональной элиты, даже инженерный корпус и рабочие наиболее значимых производств, учителя средних школ и т.д. приезжали извне.

Это формировало и особый, имперский, образ жизни, тоже отличный от образа жизни местного населения. Поскольку «имперские» жители прибывали из разных мест, основой для коммуникации между ними служили официальная идеология и русский язык («язык межнационального общения»). Традиции, постепенно возникавшие в имперском городе, в большей степени воспроизводили идею советского, нежели в каком-то ином месте. Стоит отметить, что на протяжении подавляющей части истории СССР уровень материального обеспечения в имперских городах был выше, чем на подчиненной им территории. Они выступали своего рода шаблоном для пространства, в котором располагались.

Местные жители, оказавшиеся в имперском городе, волей-неволей начинали воспроизводить этот образ жизни и принципы коммуникации, усваивали русский язык. Для политической элиты это было условием карьеры. Но и для преподавателей, ученых, медиков, инженеров, рабочих такое усвоение было крайне значимым, поскольку позволяло укорениться здесь. Это не только наделяло их более высоким по сравнению с «кишлачным» (бескультурным, диким и т.д.) населением статусом, но и открывало окно в большой мир. Ведь основные учебники, художественные произведения и т.д. выходили на русском языке. Через его посредство усваивалась мировая культура.

Если первое поколение «имперцев», представлявших местный этнос, еще ощущало свою чужеродность имперскому городу, то полуторное и второе поколения, в полом соответствии с теоретическими положениями[24], целиком принимали его язык и образ жизни. Они сами учились в «русских» (с преподаванием на русском языке) школах и туда же отдавали своих детей. Язык местного этноса сохранялся. Он присутствовал в качестве обязательного предмета в школе и вузе. Но его применение ограничивалось домашним общением и специально выделенными публичными сферами («национальные по форме и социалистические по содержанию» театр, литература и проч.).

[24] См. Мукомель 2017.

Таким образом, к моменту распада Советского Союза на территории союзных республик, во всяком случае среднеазиатских, существовали устойчивые и высокостатусные анклавы, говорившие на русском языке и идентифицировавшие себя не столько с тем или иным этносом, сколько с «советскими людьми». К данной категории относилась и региональная элита, возглавившая новые независимые государства, возникшие на руинах СССР. Это обстоятельство наложило серьезный отпечаток на практики нациестроительства в этих государствах.

С одной стороны, у руководителей новых независимых государств не было иного способа легитимировать свою власть, кроме как через отталкивание от СССР и выстраивание политической нации как антитезы «социалистическому» псевдогосударственному образованию. С другой стороны, и они сами, и все их окружение были плоть от плоти советского народа. Даже там, где, как в Таджикистане, персональный состав элиты обновился[25], новая элита столь же тесно была связана с СССР, а старая не утратила свои позиции полностью. Они нуждались в центре, будучи сформированы для трансляции идущего от него властного импульса. Возможно, этим объясняются и усиленные поиски новой империи — от вполне реального Европейского союза и возможного Великого Турана до виртуального «царства Саманидов» или «империи эмира Тимура». Кроме всего прочего, границы республик и новых государств были именно советскими, укорененными в СССР и лишенными иных исторических оснований.

[25] Зоиров 2015.

Это предопределило крайне осторожную политику нациестроительства в новых государствах. В большинстве постсоветских стран Центральной Азии сохранился особый статус русского языка, как и тес-

ные связи с бывшим имперским центром. В этих условиях имперские города хоть и лишились части русскоязычного населения, но сохранили возможность воспроизводить себя.

«Сегодня не так часто встретишь человека, с которым можно вот так культурно и цивилизованно поговорить на русском языке. Очень много кишлачных появилось в последнее время. Но они тоже учатся. Сам город учит» (мужчина, 43 года, этнический таджик, преподаватель).

Из приведенного фрагмента интервью видно, что речь идет не только о воспроизводстве жителей прежнего имперского города, но и об адаптации новых. Можно усмотреть в этом фрагменте и еще один важный момент — статус жителя бывшего имперского города (культурный, цивилизованный) по-прежнему выше, чем статус обитателей окружающей его периферии.

Но изменения происходят. При всем том, что тесные контакты между бывшим имперским центром, ставшим центром России, и центрами бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, сохраняются, его роль постепенно снижается. Появляется пусть не особенно большое, но уже значимое число представителей местной элиты, получивших образование в Европе, США, Турции, Иране и ориентированных на иные центры. Появляется и новый экономический гегемон — Китай.

Показательно здесь мнение одного из наших респондентов — яркого представителя «имперского» населения Республики Таджикистан.

«Я опасаюсь, что китайцы вытеснят все русское. Тогда будет сложно. Китайцы наших особенностей не знают. Они деньги делают. Выжмут все соки и уйдут. А нам здесь жить» (мужчина, 36 лет, этнический таджик, предприниматель).

Меняются и поколения элиты. Старая, советская в генезисе элита сходит со сцены (быстрее всего в Казахстане и Кыргызстане), уступая место элитным группам, уже гораздо меньше связанным с советским народом. Они далеко не антироссийские; они просто не советские. Соответственно, население бывших имперских городов уже не может служить основой их легитимности. Процесс этнизации политики, растворения «имперского» в новом национальном нарастает. Эпидемические ограничения и санкционное давление на Россию многократно ускорили его.

Не только во власти — во всех сферах появляются новые люди, оттесняя на периферию прежних носителей высокого статуса. Понятно, что происходит это не одномоментно, да и темпы этнизации различаются. В узкопрофессиональных сферах данный процесс идет намного медленнее, но в конечном счете затрагивает и их.

«Чтобы оперировать, нужно очень много учиться, уметь нужно много. Тут только тем, что ты кулябец, взять трудно. Это и власти понимают. Им же тоже лечиться приходится. Потому я и дома был в полном порядке. Начальником меня никто бы не поста-

вил. Но лечить я мог. И платили мне нормально» (мужчина, 39 лет, этнический таджик, хирург).

Особый, более высокий статус жителя имперского города исчезает. Напротив, именно его антагонист («кишлачный») оказывается носителем пестуемых новой элитой национальных форм и образа жизни. И это становится новым фактором выталкивания. Он не экономический, а целиком и полностью политический, точнее, возникающий в результате ускоряющегося нациеобразования. Те, кто не вписывается или не может вписаться в этот проект, вынуждены либо откатываться в маргинальные сферы, либо покидать территорию.

Поначалу процесс раскручивался малозаметно. Ведь и этнизация нарастала отнюдь не стремительно, позволяла адаптироваться — тем более что этим людям было что терять. Уезжали аутсайдеры, наименее приспособленные, молодежь. Но ситуация ухудшалась. Маргинальный статус бывших «имперцев», представителей советского народа, становился все более очевидным, разрушая их самоидентификацию. В поисках подтверждения собственной профессиональной и социально-политической идентичности они и отправлялись в Россию.

Выше мы уже отмечали (со ссылкой на мнение Паина), что феномен советского народа ярче всего проявился в РСФСР. Не в последнюю очередь по этой причине российское население так позитивно восприняло воспроизводство многих социальных и политических форм, уходящих корнями в СССР. Потому и ехали оказавшиеся в чуждом пространстве «советские люди» в страну, наиболее сильно напоминающую утерянный дом.

Да, отличия были. Неравенство, ксенофобия в СССР, конечно, присутствовали, но носили не столь явный характер и осуждались публично. Сегодня эти установки предстают едва ли не официальной идеологией вполне легальных политических сил[26]. Но когда речь идет о сохранении самовосприятия, возникает искушение чего-то не заметить. Не случайно потомки жителей Первого Рима в своей тоске по порядку Римской империи объявляли ее реинкарнацией варварскую державу то Карла Великого, то Оттона. Собственно, этим и объясняется, почему поток «советских людей» хлынул в конечном итоге именно в дальневосточные регионы России.

[26] Мамырканов 2014.

Первоначально, в период распада СССР и первые постсоветские годы, русскоязычные жители бывших союзных республик стремились в столицы и мегаполисы, где было больше рабочих мест, более высокие шансы на успешную карьеру. Однако именно там сильнее всего проявляла себя и ксенофобия. Особенно когда речь пошла о русскоязычных представителях титульных этносов новых независимых государств. Причины вполне очевидны. Столицы и мегаполисы России были точкой притяжения не только для осколков советского народа из постсоветских стран, но и для внутрироссийской миграции[27]. Мигранты из российской периферии и новых постсоветских государств претендовали на сходные социально-экономические позиции. В ре-

[27] См. Мкртчян 2015.

зультате российское гражданство и этничность (русская) превратились в знамена, под которыми развернулась борьба с «засильем иностранцев».

И здесь Дальний Восток России при всей его удаленности и периферийности оказался гораздо более притягательным, нежели крупнейшие городские агломерации европейской части страны. Во-первых, людей там действительно не хватает, причем отток населения вымывает оттуда в первую очередь молодых квалифицированных специалистов. Не то чтобы в других регионах страны, за исключением нескольких мегаполисов, их был избыток. Но на Дальнем Востоке нехватка квалифицированных кадров была официально признана, стала важнейшим элементом региональной политики. Как следствие, возникала возможность использовать для облегчения переезда ресурсы не этнической сети или знакомых из принимающего сообщества, а государства, что ставило «других переселенцев» в гораздо более независимое от диаспоры положение, чем любых других.

Во-вторых, как уже говорилось, население региона изначально состояло из «следов» переселенческих потоков советского и постсоветского периода. Выходцы из Закавказья, Кореи, Китая, Центральной Азии были здесь вполне «своими» и привычными. Соответственно, этничность в меньшей степени, чем в Европейской России, выступала основанием для стигматизации. Скорее, этноним соотносился с профессиональной деятельностью. Определенные виды деятельности (работа на стройке, некоторые виды вахтовой работы, частный извоз и т.д.) маркировались как «таджикские» или «узбекские».

«*Тут ведь какое дело. Когда хабаровчанин, в смысле — русский, видит мастера, который ему ремонт делать пришел, он первым делом думает: „Это таджик“, а уже во вторую очередь: „Маляр“ или „Строитель“. А когда он меня видит, то сначала думает: „Это врач, который меня лечить будет“, а уже потом смотрит, кто я по национальности. Это важно. Для меня важно*» (мужчина, 42 года, этнический таджик, хирург).

Как некогда миграционный поток из Китая превратился в «след», некоторое количество вполне укорененных в регионе семей, так, похоже, и поток мигрантов из Закавказья и Центральной Азии постепенно превращается в объект исторического анализа, сохраняясь в виде «следа», принесшего в дальневосточное сообщество новые кулинарные традиции, новые праздники, новые элементы повседневности. Одним из наиболее значимых, завершающих компонентов этого потока и являются «другие мигранты», осколки советского народа, нашедшие для себя новый дом. Они покинули территории, где реальностью становится иной национальный проект. Сам их отъезд — маркер усиления этого проекта.

Другой вопрос, как скажется их идентичность на крайне неустойчивой и подвижной идентичности самих дальневосточников. Вполне возможно, что под их влиянием здесь сформируется новый вариант со-

ветскости или постсоветскости. Впрочем, вероятнее, что они обретут ту же размытую и подвижную региональную идентичность и вместе с принимающим сообществом будут двигаться в сторону новой российской политической нации.

Появится ли на Дальнем Востоке новый поток мигрантов, пока не ясно. Это будет зависеть и от экономического развития нашей страны, и от международных условий, и от ситуации в самих постсоветских государствах. Однако уже сейчас можно утверждать, что привычные постсоветские мигранты остались в прошлом. И новый миграционный поток будет состоять не из «соотечественников», а из нормальных иностранных граждан. И это будет совсем другая история.

Библиография

Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.

Бляхер Л.Е. (2015) «Этнизация и вторичная русификация пространства „имперских“ городов (Случай Душанбе)» // *Полития*, № 3 (78): 75—90. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Blyaher_Politeia-2015-3(78).pdf (проверено 9.11.2023).

Бляхер Л.Е. и Ф.Н.Салимов. (2008) «Республика Таджикистан — проблемный узел Центральной Азии» // *Полития,* № 2 (49): 6—17. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyaher_Salimov-2008-2.pdf (проверено 9.11.2023).

Бритвина И.Б. и Е.Л.Могильчак. (2020) «Стереотипы восприятия мигрантов из стран Центральной Азии как представителей культуры единого региона» // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*, т. 26, № 2: 176—184. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85819/1/iurp-2020-197-19.pdf (проверено 9.11.2023).

Варнавский П. (2004) «Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР)» // *Ab Imperio*, № 4: 239—262.

Григоричев К.В., В.И.Дятлов и И.В.Нам. (2015) «Миграция и этнизация городского пространства: научная школа-семинар» // *Вестник Томского государственного университета. История*, № 5: 5—8.

Дятлов В.И. (2013) «Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле» // Дятлов В.И. и К.В.Григоричев, ред. *Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков*. Иркутск: Оттиск: 211—223.

Зоиров Д. (2015) «От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах» // *Россия и мусульманский мир*, № 3: 88—115.

Ковалевский А.В. и Л.Е.Бляхер. (2020) «Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края» // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 3 (54): 120—127.

URL: https://ojkum.ru/images/articles/2020-3/_2020_3_120-127.pdf (проверено 9.11.2023).

Левада Ю.А. (1995) «Возвращаясь к феномену „человека советского“: проблемы методологии анализа» // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 6: 14—18. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/106/38 (проверено 9.11.2023).

Мамырканов М.А. (2014) «„Моя неласковая Русь“ (о проблеме защиты прав кыргызстанских трудовых мигрантов от проявлений ксенофобии и мигрантофобии в России)» // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*, т. 14, № 1: 60—64. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUMAMYRKANOVM.A.2014-1.pdf (проверено 9.11.2023).

Мищук С.Н. (2021) «Трудовая миграция на Дальнем Востоке России: до и после 2020 года» // *Региональные проблемы*, т. 24, № 2—3: 171—174.

Мкртчян Н.В. (2015) «Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период» // Донец Е.В. и О.С.Чудиновских, ред. *Современные исследования миграции населения*. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова: 94—111.

Мотрич Е.Л. (2010) «Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья» // *Пространственная экономика*, № 2: 74—95.

Мукомель В.И. (2017) «Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда» // *Статистика и экономика*, № 6: 69—79.

Паин Э. (2003) «Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью» // *Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия*. М.: Kennan Institute: 5—9.

Саначев И.Д. (1992) «Крестьянское восстание на Амуре — кулацкий мятеж или шаг отчаяния?» // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*, № 3: 32—39, № 4: 27—37.

Сапрунов А.Г. (2013) «Миграционные процессы как детерминанты криминализации и виктимизации населения» // *Общество и право*, № 4 (46): 116—120.

Скребцова Т.Г. (2007) «Образ мигранта в современных российских СМИ» // *Политическая лингвистика*, № 23: 115—118. URL: https://politlinguistika.ru/images/3-2007/13.pdf (проверено 9.11.2023).

Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства, 990—1992 гг*. М.: Территория будущего.

Эйзенштадт Ш. (1999) *Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.

L.E.Bliakher, E.O.Leontyeva

"OTHER MIGRANTS" IN THE FAR EAST OF RUSSIA, OR SEARCH FOR THE SOVIET PEOPLE DURING THE PERIOD OF NATION BUILDING IN THE POST-SOVIET SPACE

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor at the Higher School of Social and Political Sciences; Chief Researcher, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Elvira O. Leontyeva — Doctor of Sociology; Director of the Higher School of Social and Political Sciences, Pacific State University (Khabarovsk). Email: elvira.leontyeva@gmail.com.

Abstract. The article examines a new, not very important from the statistical viewpoint, but extremely unusual flow of migrants from the former republics of the USSR, primarily Central Asian and, to a lesser extent, Transcaucasian. In the recent past a typical migrant in the Far East, as well as in Russia as a whole, can be described as a resident of a small city or village, who is focused on a short-term or cyclical stay in the region for the purpose of earning money and minimally interacting with the host community. However, the new flow of migrants includes residents of large cities who travel to Russia with an intention to integrate. For these types of migrants the usual economic push/pull factors do not play a significant role. The representatives of this group possess sufficiently high qualifications and did not experience any serious economic problems in the country of origin. The motives for their move are rather political in nature, and this is not persecution for dissent or participation in opposition activities, but rather what the authors refer to as the search for the Soviet people.

According to the authors' conclusion, the emergence of this migration flow is associated with the growing process of ethnicization (as a form of nation-building) in the states of the post-Soviet space, which is increasingly becoming less post-Soviet. After the collapse of the Soviet Union, the authorities of the newly independent states pursued an extremely cautious national policy, which was largely explained by the artificial nature of the contemporary borders of these states and their ethnic foundation. The former imperial cities, the previous centers of power, whose population most closely corresponded to the image of the Soviet people, preserved their high status. However, in the recent years the situation has changed. As ethnicization intensifies, accompanied by the ousting of the Soviet, which was equated with the

Russian, the "debris" of the Soviet people lose not only their social status, but also the foundation for self-identification. They move to Russia in search of such foundation, with the hope to find confirmation of their own professional and socio-political identity.

Keywords: migration, country of origin, diaspora, host community, Soviet people, imperial city, nation-building

References

Blyakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravljaemoj zhizni: Dal'nij Vostok* [The Art of Uncontrolled Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Blyakher L.E. (2015) "Etnizatsija i vtorichnaja rusifikatsija prostranstva „imperskikh" gorodov (Sluchaj Dushanbe)" [Ethnicization and Secondary Russification of "Imperial" Cities Space (Case of Dushanbe)] // *Politeia*, no. 3 (78): 75—90. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Blyaher_Politeia-2015-3(78).pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Blyakher L.E. and Salimov F.N. (2008) "Respublika Tadzhikistan — problemnyj uzel Tsentral'noj Azii" [The Republic of Tajikistan as a Knot of Central Asia's Problems] // *Politeia*, no. 2 (49): 6—17. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyaher_Salimov-2008-2.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Britvina I.B. and E.L.Mogilchak. (2020) "Stereotipy vosprijatija migrantov iz stran Tsentral'noj Azii kak predstavitelej kul'tury edinogo regiona" [Stereotypes Regarding Central Asian Migrants' Perception as Representatives of the Single Region Culture] // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture], vol. 26, no. 2: 176—184. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85819/1/iurp-2020-197-19.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Dyatlov V.I. (2013) "Etnizatsija gorodskogo prostranstva: popytka opredelit'sja v issledovatel'skom pole" [Ethnization of Urban Space: an Attempt to Determine the Research Field] // Dyatlov V.I. and K.V.Grigorichev, eds. *Pereselencheskie obshchestva Aziatskoj Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi 19—20 i 20—21 vekov* [Resettlement Societies of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. The Frontiers of the 19th—20th and 20th—21st Centuries]. Irkutsk: Ottisk: 211—223. (In Russ.)

Eisenstadt Sh. (1999). *Revolutsija i preobrazovanie obshchestv: Sravnital'noe izuchenie tsivilizatsij* [Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Grigorichev K.V., V.I.Dyatlov, and I.V.Nam. (2015) "Migratsija i etnizatsija gorodskogo prostranstva: nauchnaja shkola-seminar" [Migration and Ethnization of Urban Space: Scientific School-Seminar] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], no. 5: 5—8. (In Russ.)

Kovalevskij A.V. and L.E.Blyakher. (2020) "Dal'nevostochnaja migratsija: osobennosti interpretatsii na primere kejsa Khabarovskogo kraja" [Far Eastern Migration: Peculiarities of the Interpretation. Example of the Khabarovsk Territory Case] // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija* [Ojkumena. Regional Researches], no. 3 (54): 120—127. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2020-3/_2020_3_120-127.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Levada Yu. (1995) "Vozvrashchajas' k fenomenu „cheloveka sovetskogo": problemy metodologii analiza" [Returning to the Phenomenon "Homo Soveticus". Problems of Analysis Methodology] // *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Change: The Public Opinion Monitoring], no. 6: 14—18. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/106/38 (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Mamyrkanov M.A. (2014) "„Moja nelaskovaja Russ'" (o probleme zashchity prav kyrgyzstanskikh trudovykh migrantov ot projavlenij ksenofobii i migrantofobii v Rossii)" ["Not My Affectionate Russia" (On the Problem of the Protection of Kyrgyz Labor Migrants form Xenophobia and Migrant Phobia in Russia)] // *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo slvavjanskogo universiteta* [Herald of KRSU], vol. 14, no. 1: 60—64. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUMAMYRKANOVM.A.2014-1.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Mishchuk S.N. (2021) "Trudovaja migratsija na Dal'nem Vostoke Rossii: do i posle 2020 goda" [Labor Migration in the Far East of Russia: Before and After 2020] // *Regional'nye problemy* [Regional Problems], vol. 24, no. 2—3: 171—174. (In Russ.)

Mkrtchyan N.V. (2015) "Prostranstvennye osobennosti vnutrirossijskoj migratsii v postsovetskij period" [Spatial Features of Intra-Russian Migration in the Post-Soviet Period] // Donets E.V. and O.S.Chudinovskikh, eds. *Sovremennye issledovanija migratsii naselenija* [Modern Studies of Population Migration]. Moscow: Ekonomicheskij fakul'tet MGU im. M.V.Lomonosova: 94—111. (In Russ.)

Motrich E.L. (2010) "Transformatsija migratsionnykh svjazej Dal'nego Vostoka Rossii so stranami blizhnego i dal'nego zarubezh'ja" [Transformation of Migration Relations of the Russian Far East with the Countries of the Near and Far Abroad] // *Prostranstvennaja ekonomika* [Spatial Economics], no. 2: 74—95. (In Russ.)

Mukomel V.I. (2017) "Migranty na rossijskom rynke truda: zanjatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda" [Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages] // *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], no. 6: 69—79. (In Russ.)

Pain E. (2003) "Problemy samoidentifikatsii rossijan: so stranoj, s regionom, s etnicheskoj obshchnost'ju" [Problems of Self-identification of Russians: with the Country, with the Region, with the Ethnic Community] // *Problemy identichnisti: chelovek i obshchestvo na poroge tret'ego tysjache-*

letija [Identity Problems: Man and Society on the Threshold of the Third Millennium]. Moscow: Kennan Institute: 5 —9. (In Russ.)

Sanachev I.D. (1992) "Krest'janskoe vosstanie na Amure — kulatskij mjatezh ili shag otchajaniaj?" [Peasant Uprising on the Amur — Kulak Rebellion or a Step of Despair?] // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 3: 32—39, no. 4: 27—37. (In Russ.)

Saprunov A.G. (2013) "Migratsionnye protsessy kak determinanty kriminalizatsii i viktimizatsii naselenija" [Migration Processes as Determinants of Criminalization and Victimization of the Population] // *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], no. 4 (46): 116—120.

Skrebtsova T.G. (2007) "Obraz migranta v sovremennykh rossijskikh SMI" [The Image of a Migrant in Modern Russian Media] // *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 23: 115—118. URL: https://politlinguistika.ru/images/3-2007/13.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, capital i evropejskie gosudarstva, 990—1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990—1992]. Moscow: Territorija budushchego. (In Russ.)

Varnavsy P. (2004) "Sovetskij narod: sozdanie edinoj identichnosti v SSSR kak konstruirovanie obshchej pamjati (na materialakh Burjatskoj ASSR)" [The Soviet People: the Creation of a Unified Identity in the USSR as the Construction of a Common Memory (Based on the Materials of the Buryat ASSR)] // *Ab Imperio*, no. 4: 239—262. (In Russ.)

Zoirov D. (2015) "Ot meztadzhikskogo konflikta k postkonfliktnomu miru: obshchee i osobennoe v etnopoliticheskikh konfliktakh" [From the Inter-Tajik Conflict to Post-Conflict Peace: Common and Special in Ethno-Political Conflicts] // *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 3: 88—115. (In Russ.)